

УДК 82-1:1(47)

ББК 83.3(2)5:87.2(2)522

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры истории русской литературы; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

Лирика К.М. Фофанова в восприятии Вл. Соловьёва. Часть 3¹

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University, Professor of Department of History of Russian Literature; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Leading Researcher, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

V. Solovyov's aesthetic assessments of K.F. Fofanov's lyrics. Part 3

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.023-039

12 марта 1897 года, вскоре после похорон А.Н. Майкова, скончавшегося 8 марта 1897 года, Вл. Соловьёв в письме К.Ф. Головину спрашивал своего корреспондента: «Дошло ли до вас невероятное стихотворение Фофанова на могиле Майкова? Я усмотрел в нем даже нечто провиденциальное: Немезиду, или искупление для Майкова, сочинившего некогда хвalebный гимн “У гробницы Грозного”». Речь шла о стихотворении Фофанова «Памяти А.Н. Майкова», спровоцировавшего Соловьёва на идею написать пародию «По поводу стихов Майкова “У гробницы Грозного” и стихов Фофанова “На могиле Майкова”»:

Когда лукавыми словами
Ты злую силу воспевал,
Не мнил ты, Майков, что меж нами
Уже отмститель, восставал!

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 23-28-00800). The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 23-28-00800). Первая и вторая части опубликованы в журнале «Соловьёвские исследования» (2023. Вып. 2(78). С. 55–73 и 2023. Вып. 3(79). С. 6–23).

И он пришел к твоей могиле,
И дикий вой раздался вдруг,
И стало тошно адской силе,
И содрогнулся горный круг.

А там в Архангельском соборе
Прошел какой-то странный гул,
И, несказанным виршам вторя,
Сам Грозный крикнул: «Караул!» [1, с. 9].

Приведем и текст Фофанова, вызвавший к жизни эту соловьевскую сатиру:

Колыбель твоей славы могила твоя!
Воссиял над тобой новый свет бытия,
И обрел в тайне смерти ты новый венец,
В смысле жизни обрел величавый конец.

Ближе новой ступенью ты стал к Божеству
И не будет конца твоему торжеству, –
Где горит незакатно заря – и куда
Не заглянет людская борьба и вражда.

И в нетленном чертоге сияющих сил
Ты, бессмертный, в бессмертие ныне вступил –
И воссел на Олимпе в созвездьи богинь.
Мир и славе тебе; мир и небо! Аминь! [2, с. 176]

Что же было такого невероятного в «несказанных виршах» Фофанова, что заставило Соловьева взяться за перо? С одной стороны, перед нами жанр, традиционный для русской поэзии XIX столетия, – «стихотворение на смерть поэта», очень отдаленная и очень слабая вариация идей, выраженных в знаменитом стихотворении Е.А. Боратынского «На смерть Гёте», прежде всего таких его строк, как «Творца оправдает могила его» и «К предвечному легкой душой возлетит». Здесь мы не будем обсуждать, имел ли в виду Фофанов текст Боратынского, когда сочинял эту поэтическую эпитафию, но вряд ли Соловьева эти наивные и поэтически слабые рассуждения о могиле как колыбели славы, о загробном венце, вечном торжестве в краю, где горит незакатно звезда и где происходит восхождение к Божеству, заключенные в два первые четверостишия, так бы раззадорили. «Невероятное», он, скорее всего, обнаружил именно в финальной, третьей строфе, которая могла ему видаться своего рода «смесью французского с нижегородским», вернее – христианства с язычеством. Главная тема всего майковского творчества – борьба «двух миров», язычества и христианства, – оборачивалась у Фофанова их нелепым «синтезом»: христианин Майков становится бессмертным, но не в Царствии Небесном – он «воссел на

Олимпе в созвездьи богинь», да еще эти «богини» рифмуются с церковным «Аминь!». Подобный несуразный «синтез» провоцировал Соловьева на соответствующую реакцию. Да и сам сюжетный ход этого «хвалебного гимна» – «размышления у гроба» – не мог не вызвать ассоциаций со столь нелюбимым им майковским стихотворением о Грозном.

Тут уместно было бы вспомнить данное самим Соловьевым определение комедии как «типичного изображения анти-идеальной действительности в ее самодовольстве», причем под «самодовольством» Соловьев имеет в виду «общее довольство целым данным строем жизни»². Даже трагические события могут производить комический эффект, когда «преступление не было личным намеренным действием», тогда как «сознательный преступник, довольный самим собою и своими делами, не трагичен, но отвратителен, а никак не комичен»³. Именно таким «бессознательным преступником» и оказывается Фофанов в рисуемой Соловьевым комической фантазмагорической сценке, пародирующей одновременно и классическую кладбищенскую элегию вкупе с излюбленным Соловьевым-пародистом жанрами баллады и эпитафии.

Однако «надгробная похвала “декадента” Фофанова» не только «возмездие за прижизненные грехи» «для “классика” Майкова», как остроумно заметила З.Г. Минц в комментариях к соловьевской пародии⁴. Конечно, такая трактовка вполне уместна, так как А.Н. Майков как «классик» явно отрицательно воспринял русских декадентов, появившихся на литературной сцене в конце его жизни, о чем свидетельствуют его собственные эпиграммы середины 1890-х годов – «Декаденты» («В степи поет заря. Река мечтает кровью...»), «У декадента всё, что там ни говори...». В свое время даже выдвигалась гипотеза, что эти эпиграммы, особенно последняя, связаны (или вдохновлены) именно с соловьевскими пародиями на первые выступления русских символистов⁵. Однако, с нашей точки зрения, в пародии Соловьева не просто противопоставление «декадента» и «классика». Против декадентов выступал и Фофанов (к этому мы еще вернемся ниже), в том числе в стихотворении «Декадентам» (1900 г.). Если уж что и вменяется Соловьевым А.Н. Майкову как «классику», так это его измена классическому пониманию идеала добра и красоты, его собственное впадение в духовное, нравственное, историческое и, наконец, национальное «декадентство», когда, соблазненный «бесом политической агитации», он взялся за похвалу злу и неправде «лукавыми словами».

Фофанов с его стихотворением «Памяти А.Н. Майкова» оказался подходящим поводом к появлению соловьевской сатиры, в которой выразилась

² См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 87 [3].

³ Там же.

⁴ См.: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. С. 322–323 [4].

⁵ См.: Майков А.Н. Избранные произведения / вступ. ст. Ф.Я. Приймы, сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Гейро. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 866 («Библиотека поэта. Большая серия») [5].

вся накопившаяся ирония по поводу А.Н. Майкова и его апофеоза Ивану Грозному. Но, конечно, не только «поводом». Судя по всему, стихотворение Фофанова, да и вся его лирика, представлялось Соловьёву типичным для эпохи образцом подмены понятий: Христа – сверхчеловеком, идеи монархии – тиранией, русской идеи – византизмом, самосознания – самолюбованием, высшего смысла – претенциозной бессмыслицей, борьбы язычества с христианством – их псевдосинтезом. Такой «диагноз» в отношении Фофанова в определенной мере оказывается верным, если мы учтем, чьим поэтическим кумиром он будет в дальнейшем.

После кончины Фофанова, в чьей поэзии исследователь русского футуризма В.М. Марков видел почему-то исключительно «некое старомодное очарование»⁶, его имя стало знаменем питерских эгофутуристов, возглавляемых первоначально сыном Фофанова Константином, писавшим под псевдонимом Константин Олимпов, в союзе с его более успешным соперником – Игорем Лотаревым, вошедшим в историю литературы как Игорь Северянин. Константин Олимпов убеждал читателей, что для того, чтобы «жить и плакать душою младенца», надо быть безумным («Я хочу быть душевно-большим...»)⁷ и что подобные ему поэты жонглируют мирами («Мы – поэты, пророки, хирурги / Молньеносно играем богами»⁸). Он объяснял происхождение своего «Вселенского Эго-Футуризма» следующим образом: «Бессмертие в Вечности плюс “Alter Ego” Фофанова плюс Футуризм и – обобщение – “Вселенский Эго-Футуризм”» [7, с. 3]. Правда, по воспоминаниям Игоря Северянина, это он (а вовсе не Олимпов), «в отличие от школы Маринетти», к слову футуризм «прибавил приставку “ego” и в скобках: “вселенский”»⁹. В начале 1910-х годов лозунгами северянинского «Эго-Футуризма» были: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы. 6. Борьба со “стереотипами” и “заставками”. 7. Разнообразие метров¹⁰. Будучи горячим почитателем творчества Фофанова с 1900-х годов и адресатом его благосклонного внимания, в том числе различных стихотворных посвящений, Игорь Северянин также объявляет Фофанова предтечей эгофутуризма. И тут мы сталкиваемся с чрезвычайно любопытными метаморфозами уже знакомых нам жанров, поэтических сюжетов и критических высказываний.

В 1912 году основанная И.В. Игнатьевым футуристическая газета «Петербургский глашатай» издает «Оранжевую урну: Альманах памяти К.М. Фо-

⁶ См.: Марков В.Ф. История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2017. С. 58 [6].

⁷ См.: Константин Олимпов. Жонглеры-нервы. СПб.: Петербургский глашатай И.В. Игнатьева, 1913. С. 2 [7].

⁸ Там же. С. 1.

⁹ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / сост., авт. предисл. и коммент. Е. Филькина. М.: Республика, 1999. С. 461 [8].

¹⁰ Там же.

фанова». Весь сборник – это четыре страницы текста, обрамленные, в соответствии с заглавием, конечно, оранжевой обложкой. Содержание его достаточно разнообразно. Открывается он двумя стихотворениями В. Брюсова («Итак, это – сон...» и «Весеннее»), далее стихотворения Игоря Северянина «На смерть Фофанова», Дмитрия Крючкова «К.М. Фофанову», Ивана Оредежа (И.С. Лукаша)

«Я славлю», прозаическая миниатюра об отце «Царственный соловей» Константина Олимова, прозаическая «Миньютюра И.В. Игнатъева». Есть в сборнике и манифесты группы. В первом – «Эгопозэзия в поэзии» Г.А. (Грааль-Арельского) – утверждается, что именно «эгоизм объединяет всех, потому что все эгоисты», а «цель Эгопозэзии, – восславление эгоизма как единственной правдивой и жизненной интуиции»¹¹. Во втором – «Эгоизм», написанном П.М. Фофановым (дядюшкой Константина Олимова), – декларируется: «Мы говорим о жизни, о бытии и для живущих или имеющих быть на свете, а не для тех, для кого мир не существует, как не существуют они сами, там – nihil, там – Небытие, Нирвана, там – Ничто, а жизнь мира вечно продолжает идти своим темпом и развивать и дополнять Вечную свою сущность – “Я” – Эгоизм»¹².

В стихотворении «На смерть Фофанова» (1911 г.) Игорь Северянин направлял свои инвективы против всех «детей злого века», всех «приличных мерзавцев», всех прозаичных «трезвых умов», которые поносили и «бежали, как чумы», поэта, пока он был жив, которые не понимали его «мудрого опьянения», не признавали, «Что пьяным гением зажженные идеи – / Прекрасней вашей трезвой лжи»¹³. Фофанов рисуется им как страдалец и мученик, чуть ли не как Христос, чье сердце готово было разорваться, ибо «весь мир любить готовый, / И видя только зло, – в отчаяньи, светло / Он жаждал опьянеть, дабы венец терновый, / Как лавр, овил его чело!..»¹⁴.

Стихотворение «На смерть Фофанова» Игорь Северянин включил в свой самый шумевший первый сборник «Громокипящий кубок» (1913 г.), куда поместил и стихотворение «Над гробом Фофанова» (1911 г.). Этот текст был уже иного, идиллического тона, здесь создавался образ милого и доброго человека, застенчивого, ласкового, с веселым и молодым сердцем, певшего «почти безразумно, – до самозабвения», тосковавшего «по своей принцессе лазоревой – по Мечте своей», невыносимо страдавшего «от вдохновения» и измученного «от вечного одиночества, от одиночного холода»¹⁵. Сам автор определил жанр стихотворения как «интуитта», в том числе и потому, что стоящий у гроба поэт-наследник видит улыбку почившего, «сквозь гроб меня озаряющую», и слышит, как душу умершего приветствуют на небесах Божьи ангелы¹⁶.

¹¹ См.: Оранжевая урна: Альманах памяти К.М. Фофанова. СПб.: Петербургский глашатай, 1912. С. 3 [9].

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. М.: Гриф, 1914. С. 110 [10].

¹⁶ Там же. С. 110.

Однако в контексте нашей темы невозможно не обратить внимания на то, что в итоге в «Громокипящем кубке» имя Фофанова вновь объединяет два жанра: «стихотворение на смерть поэта» и «размышления у гроба». Удивительно ли, что в том же сборнике появляется и еще один встречавшийся нам уже сюжет – восхваление тирана? Правда, тиран – это не Иван Грозный, но фигурировавший параллельно с ним в дискуссиях 1890-х годов Соловьева и С.М. Волконского император Нерон¹⁷. В одноименном стихотворении 1911 года Нерон – «мучитель-мученик», «поэт-убийца», мечтатель, жаждущий попасть в Эдем (снова, как у Фофанова, странный «синтез» языческого и христианского!), которого «мучают бездарные люди, опозорив / Облик императора общим сходством с ним»¹⁸. Для толпы Нерон – «урод рыжий», но на самом деле он – «лазорева», его душа – «радостный Парис»¹⁹, тогда как вокруг него люди «озабочены пошлым и земным»²⁰. Указывая на это стихотворение как на образец «эстетики безобразного» в духе символизма, исследователи пишут, что «эффектность произведения обусловлена в первую очередь именно этой нестандартной эстетической трактовкой»²¹, но, как мы видим, трактовка-то оказывается вполне предсказуемой и чуть ли не «стандартной» – именно против нее и выступал Соловьев, обнаружив ее исходную вариацию у такого служителя «искусства для искусства», как Майков.

Поднимается в «Громокипящем кубке» и вопрос о пушкинской традиции. Для Игоря Северянина несомненно, что после смерти Фофанова «на опушке / Олимпа грезовых лесов»²² стало пустынно, что Пушкин для нового поколения оказался уже Державиным, что молодым «надо новых голосов»²³. Кто займет это олимпийско-державинско-пушкинско-фофановское место? Пожалуй, читателю «Громокипящего кубка» автор не оставляет права на какие-либо сомнения, когда из стихотворения в стихотворение сообщает: «светозарно-ореолочно / Согреет всех мое бессмертье»²⁴, «Я прогремел на всю Россию»²⁵, «Я покори́л Литерату́ру! / Взорли́л, гремя́щий, на престол»²⁶, «Я выполнил свою задачу, / Литерату́ру покори́в»²⁷. При этом перед читателем не просто какой-нибудь «оскандаленный герой», но «литературный Мессия»²⁸,

¹⁷ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. С. 95–96.

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Матвеева Е. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина) [Электронный ресурс]. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. Режим доступа: <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii6.html> [11].

²² См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. С. 119.

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Там же. С. 114.

²⁵ Там же. С. 122.

²⁶ Там же. С. 125.

²⁷ Там же. С. 126.

²⁸ Там же. С. 122.

новый апостол, который отрясает обувь от пыли старой, прогнившей, «как рокфор», культуры²⁹ и приносит новое учение: дарит «толпе холопов / Значенье собственного “я”»³⁰. Это «значение собственного “я”» позволяет поэту утверждать свою почти богоравность: «В ненастный день взойдет, как солнце, / Моя вселенская душа!»³¹. Но ему уже мало учения об «Эго», его путь устремлен дальше и выше, и он предельно четко обозначает собственную траекторию: «Душа влечется в Примитив. / Я вижу росные туманы! / Я слышу липовый мотив!»³². А пока «В морях Дисгармонии – маяк Унисон» позволяет ему одинаково славить «восторженно Христа и Антихриста», «кокотку и схимника»³³. В «Поэзе не для печати» (1913 г.), посвященной Федору Сологубу, Северянин скажет еще более дерзко о том, что в эпоху модерна «Голгофа измельчала: / Не три креста, а миллиард», что двойственных изначально людей современности мучит один лишь вопрос: «“Антихрист, у Христа опальный, – / Не псевдонимный ли Христос?”»³⁴

После «Громокипящего кубка» в Игоре Северяnine, как некогда Д.С. Мережковский в Фофанове, увидят, как это сделал В.Ф. Ходасевич, «истинного обитателя города»³⁵. Правда, В.Ф. Ходасевич в статье «Игорь Северянин» (1912 г.) приветствует «в лице его не пророка, не основателя новой школы, а просто талантливого и во многом самостоятельного поэта»³⁶, чья «грусть по настоящей, а не по “изысканной” культуре» явно отличает его от того, что «принято называть футуризмом»³⁷, почему В.Ф. Ходасевич и предлагает «называть эго-футуризмом стихи Игоря Северянина – и никого больше»³⁸. В том, что «Игорь Северянин, действительно и несомнительно, истинный поэт»³⁹, не сомневался и С.П. Бобров, ссылаясь на его мастерское владение техникой стиха. Для М.А. Волошина, однако, это техническое мастерство вовсе не представляется признаком истинного таланта. Парадоксальный параллелизм: как в начале 1890-х годов Н.Н. Страхов сетовал на избыток стихотворцев и на

²⁹ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. С. 120.

³⁰ Там же. 126.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. С. 31.

³⁴ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 280.

³⁵ См.: Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин и футуризм // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 434 [12].

³⁶ См.: Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 399 [13].

³⁷ См.: Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин и футуризм. С. 435.

³⁸ Там же. С. 437.

³⁹ См.: Бобров С. Северянин и русская критика // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 39 [14].

падение качества их поэтической продукции, так в начале 1910-х М.А. Волошин с горькой иронией констатирует, что «образцы разрешения различных трудных версификационных задач, данные за истекшее десятилетие Бальмонтом, Брюсовым, В. Ивановым и пр., вульгаризировали тайны стихосложения до такой степени, что теперь всякий может писать формально хорошие стихи»⁴⁰ и что остается добиться того, чтобы «любой телеграфист или парикмахер могли писать в приступах влюбленности стихи формально не хуже бальмонтовских и брюсовских»⁴¹. Если для С.П. Боброва Игорь Северянин «нов в том смысле, что дал нам некий синтез Фету и Тютчеву подобного модернизма с более простыми поэтами, как Случевский, Фофанов, Лохвицкая и даже (в этом нет ничего страшного, с точки зрения историко-литературной) Апухтин и Надсон»⁴², то Н.С. Гумилев, как когда-то третьестепенный критик Н.М. Соколов, возмущавшийся заемностью поэтических, в том числе и фофановских, идей из газетных передовиц, будет доказывать, что вся новизна Игоря Северянина «в праве поэта быть искренним до вульгарности»⁴³, но что эта вульгарность поражает только «людей книги», вдруг увидевших в стихах язык «людей газеты», тогда как «люди газеты не видят в этом ничего неестественного»⁴⁴. Если Н.М. Соколов, к возмущению Соловьева, зачислял в предшественники Фофанова А.К. Толстого, то Н.С. Гумилев указывает на созданного при участии А.К. Толстого Козьму Пруtkова, утверждая, что «за всеми “новаторскими” мнениями Игоря Северянина слышен твердый голос Козьмы Пруtkова», который «для людей газеты» на самом деле «нисколько не комичен»⁴⁵. Если Н.М. Соколов неуклюже пытался выявить «шаблоны», которые Фофанов или Минский позаимствовали у А.К. Толстого и А.А. Фета, то в 1911 году М.А. Волошин берет за образец на «трафареты чувств, образов и идей»⁴⁶, позаимствованные новейшими поэтами из бальмонтовских и брюсовских стихов. Оглядываясь на четверть столетия назад, он полагал, что, «когда в восьмидесятых и девяностых годах многочисленными безвестными поэтами той эпохи писали стихи, они употребляли трафареты настолько истертые и захватанные, что никаких черт их происхождения на них не оставалось», ибо уже истекло «семь десятилетий, прошедших после пушкинской эпохи»⁴⁷. С его точки зрения, «минувшее десятилетие подновило и трафареты стихотворного содержания», новейшие трафареты еще сохраняют «на себе фабричное клеймо своего происхождения»⁴⁸. Правда, в «поэтических трафаретах», которыми пользуется Игорь Северянин, М.А. Волошин ощущает

⁴⁰ См.: Волошин М.А. «О модных позах и трафаретах». Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер // Утро России. 1911, 5 февр., № 28. С. 2 [15].

⁴¹ Там же.

⁴² См.: Бобров С. Северянин и русская критика. С. 39.

⁴³ См.: Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 123 [16].

⁴⁴ Там же. С. 124.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Волошин М.А. «О модных позах и трафаретах». С. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

явное влияние отнюдь не Фофанова, а Бальмонта: «Бальмонт в некоторых своих уклонах дал слова и речь, приготовил русло этому голосу внутренней духовной пошлости, и вот плоды его неосмотрительности» [15, с. 2].

Обратив внимание на литературный шумиху, поднятую в кружке эгофутуристов, З.Н. Гиппиус с присущей ей пронизательностью в статье «О “Я” и “что-то”» (1913 г.) точнее расставила точки над «и», указав на схожесть ситуации конца 1880-х и начала 1910-х годов, когда эгофутуристы попытались «занять по отношению к современной литературе позицию, которую когда-то заняли “декаденты”»: «Так же принялись они выдумывать “новые слова”, точь-в-точь с тем же задором и той же напускной самоуверенностью. Все то же, только помельче: “декаденты” повели себя от Фета, а нынешние – от Фофанова, т.е. от Фетовского... племянника, что ли» [17, с. 60]. Но З.Н. Гиппиус не ограничилась язвительным замечанием, что ее особенно удивила «эта “старость” нового»⁴⁹. Она обозначила более существенный диагноз, справедливость которого станет понятна спустя полтора десятилетия с приходом соцреализма: по ее мнению, «желание найти “себя”», которое двигало эгофутуристами, свидетельствует о том, что «современная литература потеряла или теряет “Я”; в ней тонет писатель, тонет человек»⁵⁰. И хотя она готова признать, что Игорь Северянин «еди[нствен]ный талантливый эго-футурист», но подлинное его, с ее точки зрения, в его стихах «и не ночевало»⁵¹. И в этом З.Н. Гиппиус оказывается прозорливее Д.С. Мережковского, который сначала считал, что тут речь может идти, так сказать, о «степени» индивидуализма. Недаром по поводу культивируемого В.В. Розановым собственного «одиначества» он замечал в 1913 году, что это одиначество «обыкновеннее», чем думает В.В. Розанов, потому что «в современной европейской культуре все дела, чувства и мысли кончаются острием – острием личности»⁵². И «отличается Розанов от своих современников» лишь «качеством» индивидуализма: «Розанов углубляет свое одиначество до сознания религиозного, до религиозной трагедии», а у других индивидуализм «стихийный, бессознательный и безрелигиозный, разрешающийся в эстетизм, футуризм, акмеизм и прочие пошлости» [18, с. 228].

Сравнивая северянинский эгофутуризм с «новым вторжением варваров, сильных своею талантливостью и ужасных своею небрежливостью»⁵³, Н.С. Гумилев в «Письме о русской поэзии» (1914 г.) не берет давить прогнозы, надеясь, что будущее само прояснит, «“германцы” ли это или... гунны, от

⁴⁹ См.: Антон Крайний. О «Я» и «что-то» // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 60 [17]. (Первоначально напечатано: Новая жизнь. 1913. № 2, Февраль.)

⁵⁰ Там же. С. 61.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: Мережковский Д.С. Розанов // Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник. 1910–1914. Петроград: Т-во И.Д. Сытина, 1915. С. 227 [18].

⁵³ См.: Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 124.

которых не останется и следа»⁵⁴. Д.С. Мережковский, напротив, теперь с пророческой горячностью начинает утверждать, что футуризм – это очевидное предвестие грядущего Хама. В статье «Еще шаг грядущего Хама», опубликованной впервые в том же 1914 году, он не делает различия между «московским» кубофутуризмом и «петербургским» эгофутуризмом, они одинаковы для него «дикари или сумасшедшие», которые превратили русский язык «в нечленораздельный рев звериный»⁵⁵. Но их «дикарство» или «сумасшествие» для него симптом большего: «Сущность подлинных культур – единомыслие, единомушие: все – одно; одно – во всех; сущность культур одичалых – разведение, уединение: каждый один; индивидуализм торжествующий»⁵⁶. Для Д.С. Мережковского, «футуризм – позитивизм, слегка подновленный, подкрашенный, перелицованный», потому что «душа футуризма: обесценить все религиозные ценности»⁵⁷. Видя в футуризме «казнь за позитивизм ближайшего прошлого»⁵⁸, Д.С. Мережковский с пафосом обращается к П.Б. Струве и В.Я. Брюсову, с его точки зрения безответственно потворствовавшим футуризму: «Футуризм – еще шаг грядущего Хама. Встречайте же его, господа эстеты, академики, культурники! Вам от него не уйти никуда. Вы сами родили его: он вышел из вас, как Ева из ребра Адамова»⁵⁹. То, что он сам, пусть и невольно, внес свой вклад в будущий футуризм, когда в начале 1890-х годов страстно отстаивал поэзию Фофанова, как поэзию противоположную позитивизму, ему не приходит на ум. Да и к середине 1910-х годов его воззрения значительно эволюционировали, что подтверждает и его речь, произнесенная 14 ноября 1916 года на Вечере памяти Владимира Соловьёва. Теперь, определяя суть религиозно-общественной деятельности Соловьёва, он видит в ней не что иное, как «борьбу с национализмом»⁶⁰. На фоне идущей Первой мировой войны для Д.С. Мережковского, задумавшегося о религиозной лжи национализма, становится предельно ясно, что эгоизм – будь он индивидуальный, национальный или религиозный – грозит катастрофой и совсем не только эстетической. «Вопрос о национализме, о нечестивом утверждении своего народа как абсолюта, как Бога, есть вопрос не только о том, быть или не быть России, но и о том, быть или не быть всей Европе, всему человечеству», – восклицает он [20, с.141]. Он не может не признать, что «сейчас идея нации самая живая, огненная, нужная и понятная всем, а идея человечества – самая отвлеченная, холодная, мертвая, никому ненужная и непонятная», что «ни одна из идей так сейчас не поругана, не растоптана, не задавлена, не убита, как идея

⁵⁴ См.: Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 124.

⁵⁵ См.: Мережковский Д.С. Еще шаг грядущего Хама // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. Невоенный дневник: 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. С. 82 [19].

⁵⁶ Там же. С. 85.

⁵⁷ Там же. С. 83.

⁵⁸ Там же. С. 89.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Мережковский Д.С. В.С. Соловьёв (Речь, сказанная 14 ноября 1916 года на Вечере в память В.С. Соловьёва) // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. С. 141 [20].

человечества»⁶¹. Но именно поэтому для него так актуализируется религиозно-общественная деятельность Соловьева: он напоминает, что Соловьев учил, что «абсолютного национализма нельзя преодолеть ничем, кроме абсолютного человечества», «Абсолютного Человека» – Богочеловека Христа и богочеловечества⁶². Именно «в преодолении национальности, в достижении всечеловечности» Д.С. Мережковский видит, вслед за Соловьевым, «национальное призвание России», потому что «если Христа не было, то не будет конца абсолютному национализму, абсолютной войне, – и мир погиб, и мы уже видим начало этой гибели»⁶³.

А что же объявлявший себя наследником Фофанова Игорь Северянин?

Расставшись с бывшими соратниками по эгофутуризму, он в годы Первой мировой войны прошел искус «беса политической агитации» с искусством почти канатоходца, ловко балансирующего над «падучей стремниной». Достаточно вспомнить его стихотворение «Мою страну зовут Россией...», где поэт, с одной стороны, отказывался декларировать, «Что край мой лучше всех краев»⁶⁴, вроде бы памятовал как раз о той идее всемирности и абсолютной человечности, о которой напоминал в своей речи о Соловьеве Д.С. Мережковский, когда писал:

Ах, роднозём, как заусенец,
Докучен, иногда кровав.
Кто мыслит глубже, тот вселенец:
Тогда, как я, мой недруг прав [8, с. 143].

Но, с другой стороны, тут же признавался: «...жажду русскому оружию / Побед затем, что русский – я»⁶⁵. Спустя годы эта национальная тема найдет свое развитие в стихотворении 1923 года «Колыбель культуры новой», где высказывается надежда, что Россия не только восстанет от всех пережитых потрясений, но и «Мир преклонится тогда перед ней!»⁶⁶. Правда, этому преклонению будет содействовать уже не оружие, а иная сила – религиозная, духовная, которой Россия и будет отличаться от западной «цивилизации дутой»:

Встанет Россия – все споры рассудит...
Встанет Россия – народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.

⁶¹ См.: Мережковский Д.С. В.С. Соловьев (Речь, сказанная 14 ноября 1916 года на Вечере в память В.С. Соловьева) // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. С. 142.

⁶² Там же. С. 143.

⁶³ Там же. С. 144.

⁶⁴ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 142.

⁶⁵ Там же. С. 143.

⁶⁶ Там же. С. 330.

А вдохновенно и религиозно,
 Пламенно веря и мысля серьезно,
 В недрах своих непреложностью грозный
 Станет выращивать новый цветок... [8, с. 330]

Вспомнить о религиозных началах Игоря Северянина заставили тяготы революционной поры, когда вокруг бушевали «разнузданный мятеж», «тиф и черный голод» и поневоле пришлось задуматься:

Грядет Антихрист? не Христос ли?
 Иль оба вместе? раньше – кто?
 Сначала тьма? не свет ли после?
 Иль погрузимся мы в ничто? [8, с. 229]

Именно в это время в стихах Игоря Северянина зазвучали молитвенные ноты:

Я в Тебя, Господь Мой, верил. Я всегда Тебя любил
 Я – певец Твоей природы, сохрани меня, Христос!
 <...>
 Помни: я, Твой рыцарь верный, Твой воспевец, гений Твой –
 Человеческой породы, – сохрани меня, Христос! [8, с. 230]

Когда в родной стране начались «разбои и мятеж ... холера, тиф и голод», «пир хамов», «притеснение солнечных умов», тогда пришло осознание, что «Все бедствия, притом не без причины: / От деяний, от мыслей и от слов»⁶⁷. Появились покаянные мотивы: «Мы тьме сиянье предпочли, / Погрязли в злобной тине и пыли, / О том, кем быть могли, мы позабыли»⁶⁸. Возникло упование, что спасенье настанет, когда обновится само человечество и придут иные поколения, «новые, кто предан Чистоте», и, служа добру и красоте, «Зло победят единодушно»:

И будут жить в священной простоте,
 Служа не зверской, дерзкой, мерзкой силе;
 А духу своему, петь о Христе,
 О том, как мы Иисуса поносили
 В своей бесчеловечной пустоте <...>
 Возгрянут гимн добру и красоте
 И забожат, как деда не божили.
 И будут жить в священной простоте,
 Петь о Христовом подвижном кресте,
 О том, кем быть могли, мы позабыли [8, с. 235]⁶⁹.

⁶⁷ См.: Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 233.

⁶⁸ Там же. С. 235.

⁶⁹ Там же.

Но декларация нового мироощущения в поэтических сборниках 1920-х годов вовсе не означает, что Игорь Северянин заодно отказывается и от всех своих прежних эстетических установок – культ Фофанова остается для него непоколебимым и в 1920–1930-е годы, хотя и претерпевает некоторые корректировки. Не вдаваясь подробно в обширную тему «Фофанов – Игорь Северянин», отметим только отдельные моменты. Так, в поздний сборник «Медальоны: Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах» (1934 г.), в эту авторскую историю мировой культуры, он включает и сонет о Фофанове, где гибель поэта-пророка объясняет уже не злобой окружавших поэта гонителей, как это было в стихотворении «На смерть К.М. Фофанова» (1911 г.), а до этого в стихотворении «Она критикует» (1908 г.), где изображалось презрение публики к поэту-пьянице, но более объективно – собственным его пороком:

Большой талант дала ему судьба,
В нем совместив поэта и пророка.
Но властью виноградного порока
Царь превращен в безвольного раба [8, с. 392].

Вопросы, которые были столь животрепещущими для 1880–1890-х годов XIX века, – о принадлежности Фофанова к декадентству или к пушкинской традиции, о Фофанове как поэте-пророке, Игорь Северянин вновь поднимает не только в стихах, но и в своих посвященных Фофанову заметках: «Из воспоминаний о К.М. Фофанове» (1923 г.), «О творчестве и жизни Фофанова» (1923 г.), «Цветы неувядные (Лирика Фофанова)» (1924 г.), «“Цветы розовой окраски...” (О лирике Фофанова)» (1924 г.). В них Фофанов предстает «поэтом-пушкинианцем», молящимся на Пушкина, любящим «простоту и ясность, хотя сам не был чужд свежих образов, смелых эпитетов»⁷⁰. Дерзновенность его образности Игорь Северянин объясняет тем, что «в творчестве своем, как истинно художественном, он часто бывал подсознателен»⁷¹. Хотя Фофанов «принадлежал к плеяде поэтов пушкинской школы и декадентство сильно недолюбливал»⁷², Игорь Северянин соглашается с теми, кто видел в Фофанове «первого русского декадента», но тут же свидетельствует о ненависти самого поэта к «декадентам», «как называла критика того времени – Брюсова, Блока, Сологуба», и, несмотря на интерес к его персоне Бальмонта и Брюсова, которые «даже ездили знакомиться с ним в Гатчину»⁷³, «называл вышеназванных поэтов... бездарностями (!) и предостерегал ... от подражания им...»⁷⁴. По воспоминаниям Игоря Северянина, Фофанов призывал его писать «просто и ясно», забыть «все декадентские исхищрения, они тебе не к лицу», и

⁷⁰ Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 450.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 453.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 450.

тогда – «ты будешь всенародным русским поэтом»⁷⁵. Неприятие Фофанова критикой Игорь Северянин объясняет тем, что «у Фофанова не было тенденции, обязательной для русского поэта той эпохи»⁷⁶. Одновременно он уже более трезво, чем в молодые годы, оценивает творчество своего кумира, видя в нем совмещение «таланта, граничащего с гением», и «жалкой посредственности»⁷⁷. Он находит в его наследии «много изумительных строк, строф, а иногда – но это значительно реже – и стихотворений целиком», восхищается их «замечательной плавностью», «редкой вдохновенностью»⁷⁸, но не может не признать, что эти блестящие рассыпаны «среди массы раздражающих своим убогим шаблоном и ходячими клише стихов, мало говорящих об истинной индивидуальности автора»⁷⁹, которые могут быть приписаны любому стихотворцу прошлого века. Правда, для спасения репутации своего кумира сразу добавляет эпитет, смягчающий резкость оценки: «любому выдающемуся стихотворцу»⁸⁰. О «шаблонах» Фофанова Игорь Северянин говорил еще в 1913 году в «Поэзе о Фофанове»:

Пропев неряшливые строки,
Где упоителен шаблон,
Поймете сумерек намеки
И все, чем так чарует он [8, с. 58].

То, что Игоря Северянина в 1920-е годы удручает «шаблонность» и «банальность» поэзии Фофанова, достаточно парадоксально. Ведь не только «свежие образы, смелые эпитеты» делали Фофанова причастным к декадентству, но и «шаблонность», вменявшаяся ему в вину еще Н.М. Соколовым. От фофановских «банальностей» оставалось сделать как раз тот шаг, который и сделал сам Игорь Северянин, когда писал: «Душа влечется в Примитив. / Я вижу росные туманы! / Я слышу липовый мотив!»⁸¹, то есть к вполне авангардному «эстетическому созерцанию тривиальности», стиравшему грань между «утонченно-рафинированным и пошлым, истинным и фальшивым»⁸². Но когда М.А. Волошин корил его за «трафаретность», а Н.С. Гумилев – за газетную «вульгарность», то их суд был чисто эстетическим, не претендующим на вскрытие ни философских, ни тем более религиозных корней этой литературной тенденции. Чтобы вскрыть корни, нужно было вернуться к соловьевской религиозной фи-

⁷⁵ Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза. С. 451.

⁷⁶ Там же. С. 454.

⁷⁷ Там же. С. 452.

⁷⁸ Там же. С. 456.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ См.: Игорь Северянин. Громокипящий кубок. С. 126.

⁸² См.: Тарланов Е.З. Поэзия К.М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1999. С. 313 [21].

лософско-эстетической диагностике, что в определенной мере и попытался сделать когда-то активный соловьевский антагонист Д.С. Мережковский.

Для нынешнего читателя и даже для исследователя Соловьев и Фофанов – современники, поэты-предсимволисты, разрабатывающие схожие, пусть и типологически, сюжеты и мотивы. Однако, включая их в общее литературное течение, все-таки нужно учитывать и их религиозно-философскую несхожесть. Как минимум, это позволит избежать таких историко-культурных нестыковок, как завершение тома, посвященного Соловьеву, стихами столь нелюбимого им Фофанова⁸³. А как максимум реконструкция соловьевского восприятия поэзии Фофанова позволяет лучше понять причины соловьевского неприятия фофановской лирики, от чего он предостерегал поэтов-современников, чем руководствовался в эстетических построениях и суждениях о русской лирике XIX столетия в целом, подходя к ней не отвлеченно эстетически, но с вполне определенных историсофских и этико-религиозных позиций.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Письма / под ред. Э.Л. Радлова. Т. 3. СПб.: Тип. Тв-ва «Общественная польза», 1911. С. 9.
2. Фофанов К.М. Иллюзии. Стихотворения. СПб.: Издание А.С. Суворина. Типография А.С. Суворина, 1900. 480 с.
3. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: 1886–1894. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», [1914]. С. 75–90.
4. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы / вступ. ст., сост. и примеч. 3.Г. Минц. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд., 1974. С. 322–323.
5. Майков А.Н. Избранные произведения / вступ. ст. Ф.Я. Приймы, сост., подгот. текста, примеч. Л.С. Гейро. Л.: Сов. писатель, 1977. 910 с. («Библиотека поэта. Большая серия»).
6. Марков В.Ф. История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетей. 2017. 432 с.
7. Константин Олимпов. Жонглеры-нервы. СПб.: Петербургский глашатай И.В. Игнатьева, 1913. 8 с.
8. Игорь Северянин. Тост безответный: Стихотворения. Поэмы. Проза / сост., предисл. и коммент. Е. Филькина. М.: Республика, 1999. 543 с.
9. Оранжевая урна: Альманах памяти К.М. Фофанова. СПб.: Петербургский глашатай, 1912. 4 с.
10. Игорь-Северянин. Громокипящий кубок. 6-е изд. М.: Гриф, 1914. 133 с.
11. Матвеева Е. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина): дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс]. Барнаул, 2009. Режим доступа: <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii6.html>
12. Ходасевич В. Игорь Северянин и футуризм // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 425–437.
13. Ходасевич В.Ф. Игорь Северянин // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова. Коммент. И.П. Андреева, Н.А. Богомолова. М.: Согласие, 1996. С. 398–399.

⁸³ См.: Владимир Соловьев: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002. С. 1009 [22].

14. Бобров С. Северянин и русская критика // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 27–41.

15. Волошин М.А. О модных позах и трафаретах Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер // Утро России, 1911, 5 февр. № 28. С. 2.

16. Гумилев Н.С. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 122–130.

17. Антон Крайний. О «Я» и «что-то» // Критика о творчестве Игоря Северянина: Статьи: проф. Р.Ф. Брандта, В.Я. Брюсова, С. Боброва. Рецензии: А. Измайлова, А. Крайнего, Иванова-Разумника, С.Я. Рубановича, В. Шмидта, В. Гиппиуса, А. Амфитеатрова и др. М.: В.В. Пашуканис, 1916. С. 60–61.

18. Мережковский Д.С. Розанов // Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник. 1910–1914. Петроград: Т-во И.Д. Сытина, 1915. С. 221–236.

19. Мережковский Д.С. Еще шаг грядущего Хама // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник: 1914–1917. Невоенный дневник: 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. С. 79–90.

20. Мережковский Д.С. В.С. Соловьев (Речь, сказанная 14 ноября 1916 года на Вечере в память В.С. Соловьева) // Мережковский Д.С. От войны к революции: Дневник 1914–1917. Невоенный дневник: 1914–1916. Пг.: Огни, 1917. С. 139–146.

21. Тарланов Е.З. Поэзия К.М. Фофанова и тенденции в русской лирике конца XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1999. 330 с.

22. Владимир Соловьев: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2002, 1072 с.

References

Sources

Collected Works

1. Khodasevich, V. Igor' Severyanin i futurizm [Igor Severyanin and futurism], in Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Literaturnaya kritika 1906–1922* [Collected works in 4 vols., vol. 1: Poems. Literary criticism 1906–1922]. Moscow: Soglasie, 1996, pp. 425–437.

2. Khodasevich, V.F. Igor' Severyanin [Igor Severyanin], in Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1: Stikhotvoreniya. Literaturnaya kritika 1906–1922* [Collected works in 4 vols., vol. 1: Poems. Literary criticism 1906–1922]. Moscow: Soglasie, 1996, pp. 398–399.

3. Solov'ev, V.S. *Pis'ma. T. 3* [Letters. Vol. 3]. Saint-Petersburg: Tipografiya Tvovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1911, p. 9.

4. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The general meaning of art], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 6: 1886–1894* [Collected works in 10 vols., vol. 6: 1886–1894]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe Tovarishchestvo «Prosveshchenie», [1914], pp. 75–90.

Individual Works

5. Bobrov, S. Severyanin i russkaya kritika [Severyanin and Russian criticism], in *Kritika o tvorchestve Igorya Severyanina: Stat'i: prof. R.F. Brandta, V.Ya. Bryusova, S. Bobrova. Retsenzii: A. Izmaylova, A. Kraynego, Ivanova-Razumnika, S.Ya. Rubanovicha, V. Shmidta, V. Gippiusa, A. Amfiteatrova i dr.* [Criticism of the work of Igor Severyanin: Articles: Prof. R.F. Brandt, V.Ya. Bryusov, S. Bobrov. Reviews: A. Izmailova, A. Krainiy, Ivanov-Razumnik, S.Ya. Rubanovich, V. Schmidt, V. Gippius, A. Amfiteatrov, et al.]. Moscow: V.V. Pashukanis, 1916, pp. 27–41.

6. Fofanov, K.M. *Illyuzii. Stikhotvoreniya* [Illusions. Poems.]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina. Tipografiya A.S. Suvorina, 1900. 480 p.

7. Gumilev, N.S. Pis'mo o russkoy poezii [Letter about Russian poetry], in *Apollon*, 1914, no. 1–2, pp. 122–130.

8. Krainiy, Anton. O «Ya» i «chto-to» [About “I” and “something”], in *Kritika o tvorchestve Igorya Severyanina: Stat'i: prof. R.F. Brandta, V.Ya. Bryusova, S. Bobrova. Retsenzii: A. Izmaylova,*

A. Kraynego, Ivanova-Razumnika, S.Ya. Rubanovicha, V. Shmidta, V. Gippiusa, A. Amfiteatrova i dr. [Criticism about the work of Igor Severyanin: Articles: Prof. R.F. Brandt, V.Ya. Bryusov, S. Bobrov. Reviews: A. Izmailov, A. Krainiy, Ivanov-Razumnik, S.Ya. Rubanovich, V. Schmidt, V. Gippius, A. Amfiteatrov, et al.]. Moscow: V.V. Pashukanis, 1916, pp. 60–61.

9. Maykov, A.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1977. 910 p.

10. Merezhevskiy, D.S. Rozanov [Rozanov], in Merezhevskiy, D.S. *Bylo i budet: Dnevnik. 1910–1914* [It was and will be: Diary. 1910–1914]. Petrograd: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 1915, pp. 221–236.

11. Merezhevskiy, D.S. Eshche shag gryadushchego Khama [Another step of the coming Boor], in Merezhevskiy, D.S. *Ot voyny k revolyutsii: Dnevnik: 1914–1917. Nevoennyi dnevnik: 1914–1916* [From war to revolution: Diary: 1914–1917. Non-military diary: 1914–1916]. Petrograd: Ogni, 1917, pp. 79–90.

12. Merezhevskiy, D.S. V.S. Solov'ev (Rech', skazannaya 14 noyabrya 1916 goda na Vechere v pamyat' V.S. Solov'eva) [V.S. Solovyov (Speech delivered on November 14, 1916 at an Evening in memory of V.S. Solovyov)], in Merezhevskiy, D.S. *Ot voyny k revolyutsii: Dnevnik 1914–1917. Nevoennyi dnevnik: 1914–1916* [From war to revolution: Diary: 1914–1917. Non-military diary: 1914–1916]. Petrograd: Ogni, 1917, pp. 139–146.

13. Olimpov, Konstantin. *Zhonglery-nervy* [Jugglers-nerves]. Saint-Petersburg: Peterburgskiy glashatay I.V. Ignat'eva, 1913. 8 p.

14. *Oranzhevaya urna: Al'manakh pamyati K.M. Fofanova* [Orange urn: Almanac in memory of K.M. Fofanov]. Saint-Petersburg: Peterburgskiy glashatay, 1912. 4 p.

15. Severyanin, Igor'. *Gromokipyashchiy kubok* [A thundering cup]. Moscow: Grif, 1914. 133 p.

16. Severyanin, Igor'. *Tost bezotvetnyy: Stikhotvoreniya. Poemy. Proza* [Toast unrequited: Poems. Poems. Prose]. Moscow: Respublika, 1999. 543 p.

17. Solov'ev, V.S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. Leningradskoe otdelenie, 1974, pp. 322–323.

18. *Vladimir Solov'ev: pro et contra. Vol. 2*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2002. 1072 p.

19. Voloshin, M.A. O modnykh pozakh i trafaretakh Stikhi g. Igorya-Severyanina i g-zhi Marii Paper [About fashionable poses and stencils Poems by G. Igor-Severyanin and Ms. Maria Paper], in *Utro Rossii*, 1911, 5 february, no. 28, p. 2.

Monographs

20. Markov, V.F. *Istoriya russkogo futurizma* [The history of Russian Futurism]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2017. 432 p.

Thesis and Thesis Abstracts

21. Matveeva, E. *Kommunikativno obuslovennoe esteticheskoe znachenie slova v poezii (na materiale poezii Igorya Severyanina)*. Diss. ... kand. filol. nauk [Communicatively conditioned aesthetic meaning of the word in poetry (based on the poetry of Igor Severyanin). Cand. phil. sci. diss.]. Barnaul, 2009. Available at: <http://www.poet-severyanin.ru/library/znachenie-slova-v-poezii6.html>

22. Tarlanov, E.Z. *Poeziya K.M. Fofanova i tendentsii v russkoy lirike kontsa XIX veka*. Diss. ... d-ra filol. nauk [K.M. Fofanov's poetry and trends in Russian lyrics of the late XIX century: Dr. phil. sci. diss.]. Petrozavodsk, 1999. 330 p.